

УДК 303.446.4

**ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА ВОСТОКА В РОССИИ
XVIII–XIX вв. (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

Г.Д. Данильченко

Представлена историография накопления востоковедных знаний в России XVIII–XIX вв.: проблемы ориентализма и отражение тенденций восточной культуры в художественном творчестве.

Ключевые слова: Восток; Россия; востоковедение; ориентализм; восточные языки; перевод; нарративные источники; рукописи.

**FORMATION OF THE CONCEPT OF THE EAST
IN RUSSIA XVIII–XIX CENTURIES (HISTORIOGRAPHIC ASPECT)**

G.D. Danilchenko

The accumulation historiography of the east knowledge in Russia is presented the XVIII–XIX centuries: problems of orientalism and reflection of tendencies of east culture in art creativity.

Key words: East; Russia; oriental studies; orientalism; east languages; translation; narrative sources; manuscripts.

Направленность интереса к Востоку для каждого европейского народа и в каждый исторический период определяется геополитическими, социальными и культурными факторами. Специфика России, обусловленная ее евразийским географическим положением, определила неповторимость её истории и культурного развития. Россия имела тесные контакты как с восточными народами (татарами, бурятами, якутами, казахами, калмыками, монголами, тюрками и др.), так и с западными (шведами, немцами, литовцами, голландцами и др.) [1, с. 7]. Это наложило свой отпечаток на весь ход культурно-исторического развития России.

Многоаспектные связи, пронизывающие парадигму “Россия – Восток”, хронологически связаны с периодом складывания и накопления востоковедных знаний в России.

Востоковедение в Западной Европе как научное направление зародилось в XVIII в. в связи с сугубо практическими целями внешней политики государств – изучением и завоеванием колоний. Российский ученый-индолог И.П. Минаев то же отмечал и в отношении России: “У нас, на Руси, изучение вообще Востока никогда не имело и не могло иметь отвлеченного характера. Мы слишком близки к Востоку для того, чтобы интересоваться им только отвлеченно. Интересы России всегда были тесно связаны с Востоком, а поэтому востоко-

ведение у нас не могло не находить себе практического приложения” [2].

Подчеркивая различия при продвижении на Восток России от других европейских государств, А. Макшеев писал: “Россия, двигаясь на Восток, действовала иначе. Она не осуществляла целей непосредственного обогащения и тратила на вновь занимаемые ею страны более, чем получала с них. Кавказ и Туркестан до настоящего времени содержатся в ущерб государственной казне; но нет сомнения, что со временем обе страны, подобно Сибири, с избытком вознаградают за все потраченные на них расходы...” [3, с. 106].

Пожалуй, первым русским учёным-ориенталистом можно считать немца по происхождению, историка и филолога Г.З. Байера (1694–1738), который заведовал кафедрой древностей и восточных языков в Петербургской Академии наук, занимался исследованием византийских и скандинавских источников и создал главный труд своей жизни – “Китайский музей” (Словарь китайского языка).

Однако последовательное развитие востоковедения в России следует отнести к эпохе Петра I, особенно к процессу его (востоковедения) институционализации. Так, именно царь Петр своим указом (1720 г.) учредил Коллегию иностранных дел, а при ней – “экспедицию турецких и других восточных языков”, была построена арабская типография,

и начались научные исследования арабских народов, к работе в которой привлекались специалисты, владеющие языками Ближнего Востока. Позже, в 1797 г., при Коллегии был создан особый Департамент “для отправления дел, касающихся азиатских народов”, а спустя сто лет после создания петровской Коллегии (1820 г.) при Министерстве иностранных дел (1802 г.) был создан Азиатский комитет, а при нём – Учебное отделение восточных языков (1823 г.). Одним из первых переводчиков при Петре был Г.Я. Керр (1692–1740) – ученик сирийского араба Сулеймана Негри, который свободно владел арабским, персидским, турецким, сирийским, эфиопским, греческим, латинским и другими языками. Другой – В.М. Бакунин (1700–1766) – также начинал переводчиком восточных рукописей, а позднее стал дипломатом, основоположником калмыковедения и автором исторического первоисточника о калмыках (1761 г.) [4; 5].

Знакомство с Востоком и его уникальной культурой осуществлялось в России вплоть до XVIII в. чаще всего в форме непосредственных контактов: путешествий, экспедиций, личных знакомств представителей разных народов.

В 40-х гг. XVIII в. впервые в России был поставлен вопрос о создании при Академии наук кафедры восточных языков, а позже, в 1754 г., эта идея была поддержана М.В. Ломоносовым. Впервые восточные языки сделались предметом изучения в России в 1769 г. Раньше других восточных языков преподавался в Казанской гимназии татарский язык. В 1804 г. в Казанском университете стали преподавать арабский и персидский языки. Там же была открыта первая в Европе кафедра монгольского языка. С 1835 г. началось преподавание турецкого, затем китайского, армянского и санскрита. История изучения восточных языков в Казанском университете свидетельствует о том, насколько серьезно готовила Россия специалистов по восточным культурам.

В XIX в. востоковеды-дипломаты вели большую исследовательскую работу: в Иране и Афганистане (Н. Ханьков, Н. Столетов), в Хиве и Бухаре (Н. Игнатъев), в Турции (Е. Ковалевский, П. Чичачёв) и др. [6–9]

Офицеры военного ведомства России также внесли свою лепту в изучение политики, географии, народонаселения, религий сопредельных стран: генерал А. Ермолов (Иран), генерал И. Бларамберг (Иран и Афганистан), полковник Ф. Берг, генерал-майор А. Краснокутский (Турция), генерал А. Снесарев (Индия, Афганистан), генерал-майор М. Венюков (Китай) и др. [10–14].

Создание специального востоковедного учебного заведения в системе Академии наук – Азиатского

музея (1818 г.) – стало толчком к более основательному изучению стран Ближнего и Среднего Востока, Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Именно Азиатский музей, созданный Х.Д. Френом при содействии министра просвещения С.С. Уварова, стал средоточием памятников культуры народов Востока в России – богатейшим собранием рукописей восточных народов и других культурных ценностей.

Изучение истории стран Востока, восточных языков и литературы, экономики и социологии, этнографии и культуры стран Азии связано с письменными памятниками прошлого, с рукописями как важнейшим нарративным источником, сохранившим и донесшим до потомков картину жизни народов Востока в различные периоды их истории.

Несмотря на длительные историко-культурные связи России с Востоком долгое время культура Востока и литература, в частности, были представлены в переводах с западноевропейских языков. Такая тенденция была характерна для XVIII в., но уже в самом начале XIX в. в России возникает насущная потребность в глубоком исследовании памятников культуры Востока в подлиннике. С этой целью в российских университетах начинается усиленное изучение восточных языков – арабского и персидского, ведется подготовка русских ориенталистов. В Московском университете с 1811 г. начинает преподавать восточные языки А.В. Болдырев – ученик французского ориенталиста А.И. Сильвестра де Сасси. Именно А.В. Болдыреву принадлежат первые переводы с арабского и персидского языков, издание первых в России сборников литературных произведений, созданных на этих языках (например, “Шах-Наме” Фирдоуси) [15–16]. Оригинальные восточные рукописи, великие творения Фирдоуси и Саади, Джамии и Рудаки, списки известных арабских муаллакат и пр. тщательно изучались русскими ориенталистами, что способствовало не только развитию русского востоковедения, но и значительно обогащало русскую литературу переводами оригинальных восточных произведений.

Усиленно изучаются в России памятники домусульманской эпохи аравитян. В 1818 г. “Вестник Европы” опубликовал исследование швейцарского историка-ориенталиста, иностранного почётного члена Петербургской Академии наук Симонда де Сисмонди “О литературе арабов” [17], а через несколько лет появляется обстоятельное сочинение О.И. Сенковского “Поэзия пустыни, или поэзия аравитян до Магомета” (1839), основанное на глубоком знании народных обычаев и детально исследующее подлинники арабской поэзии, хранящиеся в Азиатском музее [18, с. 165–201].

Подчеркивая особое значение российских исследований Востока, академик В.В. Бартольд писал: “В деле изучения новой истории мусульманской Средней Азии... русская наука уже в первой половине XIX в. была впереди западноевропейской” [19, с. 29]. Развивались османистика и арабистика (О.И. Сенковский), иранистика (Х.Д. Френ, В.В. Григорьев), египтология (В.Р. Розен, В.С. Голенищев), индология (И.П. Минаев, С.Ф. Ольденбург), китаистика (Н.Я. Бичурин, В.П. Васильев) [2; 20, с. 87]. Разумеется, кредо этих ориенталистов указано по принципу предпочтительности, однако, к примеру, интересы ориенталиста О.И. Сенковского не ограничивались только культурой арабского Востока: его интересовали исследования русских востоковедов, посвященных Китаю, Тибету, Японии, Индии и т. д.

Огромным по научной ценности был вклад в русскую ориенталистику китаеведа отца Иакинфа (Н.Я. Бичурина): он занимает особое место в становлении российской школы синологии [21–22]. С 1808 по 1821 гг. он возглавлял Пекинскую православную духовную миссию, овладел китайским, монгольским, маньчжурским языками, изучил историю, географию и философию этих стран. Опубликовал 14 книг по проблемам Китая, Монголии, Центральной Азии, Тибета и Дальнего Востока. Правда, О.И. Сенковский сетовал на то, что свои труды о. Иакинф пишет на русском языке: “Мы часто сожалеем, читая труды почтенного о. Иакинфа, что он не издает своих сочинений по-французски или по-английски. Русский язык до сих пор оставался и еще долго останется вне круга ученых европейских прений о предметах восточных” [23, с. 27].

Интерес к Востоку не иссякал с древнейших времен и до настоящего времени: он прагматически определялся решением внешнеполитических задач, необходимостью непосредственных “житейских”, “соседских” отношений России и Востока, а также сложившимися литературными традициями.

Деятельность русских ориенталистов А. Болдырева, Н. Коноплева, О. Сенковского, о. Иакинфа и других способствовала знакомству русского читателя с замечательными памятниками восточной культуры. Переводы, переложения, подражания, заимствования, реминисценции, аналогии, использование мотивов, сюжетов, образов, восходящих к восточным культурным памятникам, транслировали идеи Востока в русскую литературу.

Особенностями русского ориентализма всегда были своеобразные переплетения заимствованных идей Востока, пришедших с Запада, с истинно русскими идеями постижения Востока, его философии, истории, культурного наследия.

Литература

1. Гумилев Л. Чтобы свеча не погасла. Диалог / Л. Гумилев, А. Панченко. Л.: Советский писатель, 1990.
2. URL: <http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya>
3. Куропаткин А.Н. Задачи русской армии. Задачи армии, не связанные с русской национальной политикой / А.Н. Куропаткин. СПб., 1910. Т. 2.
4. Алиакбар Джоукар. История востоковедения в России / Джоукар Алиакбар. URL: <http://www.persia.ru/main/?page=421>.
5. Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев / В.М. Бакунин. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1995.
6. Ковалевский Е.П. Путешествие в Китай / Е.П. Ковалевский. СПб., 1853.
7. Ковалевский Е.П. Война с Турцией и разрыв с западными державами в 1853 и 1854 гг. / Е.П. Ковалевский. СПб., 1866.
8. Ханьков Н.В. Описание Бухарского ханства / Н.В. Ханьков. СПб., 1843.
9. Чихачев П.А. Письма о Турции / П.А. Чихачев. М., 1960.
10. Бларамберг И.Ф. Военно-статистическое обозрение земель киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды Оренбургского ведомства по рекогносцировкам и материалам, собранным на месте / И.Ф. Бларамберг. СПб., 1848.
11. Венюков М.И. Очерк старых и новых договоров России с Китаем / М.И. Венюков. СПб., 1861.
12. Ермолов А.П. Записки артиллерии полковника Ермолова, с объяснением по большей части тех случаев, в которых он находился [1801–1807 гг.] / А.П. Ермолов. URL: <http://militera.lib.ru/memo>.
13. Краснокутский А.Г. Дневные записки поездки в Константинополь в 1808 г. / А.Г. Краснокутский. М., 1815.
14. Снесарев А. Северо-индийский театр (военно-географическое описание): в 2 ч. / А. Снесарев. Ташкент, 1903.
15. Болдырев А.В. Duae Moallakat Antarae et Harethi sumptibus suis edidit A. Boldyref / А.В. Болдырев. Gettingen, 1808.
16. Болдырев А.В. Арабская хрестоматия / А.В. Болдырев. М., 1824.
17. Sismondi S. de. De la littérature du Midi de l'Europe / S. de Sismondi. Bruxelles, 1837.
18. Сенковский О.И. Собр. соч.: в 9 т. / О.И. Сенковский. СПб., 1858–1859. Т. 7.
19. Бартольд В.В. Культура мусульманства // В.В. Бартольд. Соч.: в 9 т. Т. VI / Гл. ред. вост. литер. М.: Наука, 1966.

20. *Шаститко П.М.* Изучение историко-культурных связей России и СССР со странами Востока / П.М. Шаститко // Вестник Российской АН. М., 1987. Т. 57. № 3.
21. *Бичурин Н.Я.* Записки о Монголии, сочинённые монахом Иакинфом. С приложением карты Монголии и разных костюмов. Т. 1–2 / Н.Я. Бичурин. СПб., 1828.
22. *Бичурин Н.Я.* Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение. Сочинение монаха Иакинфа / Н.Я. Бичурин. СПб., 1840.
23. *Сенковский О.И.* Собр. соч.: в 9 т. / О.И. Сенковский. СПб., 1858–1859. Т. 6.